

Доклад о национальных моментах в партийном и государственном строительстве. 23 апреля 1923 г.

<Фрагмент>

<...>

Национальный вопрос имеет для нас значение и с точки зрения внутреннего положения, не только потому, что в численном отношении бывшая державная нация представляет около 75 миллионов, а остальные нации — 65 (это все-таки немало), и не только потому, что ранее угнетенные национальности занимают наиболее нужные для хозяйственного развития районы и наиболее важные с точки зрения военной стратегии пункты, но прежде всего потому, что за эти два года мы ввели так называемый нэп, а в связи с этим национализм великорусский стал нарастать, усиливаться, родилась идея сменовеховства, бродят желания устроить в мирном порядке то, чего не удалось устроить Деникину, т.е. создать так называемую «единую и неделимую».

Таким образом, в связи с нэпом во внутренней нашей жизни нарождается новая сила — великорусский шовинизм, гнездящийся в наших учреждениях, проникающий не только в советские, но и в партийные учреждения, бродящий по всем углам нашей федерации и ведущий к тому, что если мы этой новой силе не дадим решительного отпора, если мы ее не подсечем в корне, — а нэповские условия ее возвращают, — мы рискуем оказаться перед картиной разрыва между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянами ранее угнетенных наций, что будет означать подрыв диктатуры пролетариата.

Но нэп возвращает не только шовинизм великорусский, — он возвращает и шовинизм местный, особенно в тех республиках, которые имеют несколько национальностей. Я имею в виду Грузию, Азербайджан, Бухару¹, отчасти Туркестан², где мы имеем несколько национальностей, передовые элементы которых, может быть, скоро начнут конкурировать между собой за первенство. Этот местный шовинизм, конечно, не представляет по своей силе той опасности, которую представляет шовинизм великорусский. Но он все-таки представляет опасность, грозя нам превратить некоторые республики в арену национальной склоки, подорвать там узы интернационализма.

Таковы основания международного и внутреннего характера, говорящие о важном, первостепенном значении национального вопроса вообще, в данный момент в особенности.

В чем состоит классовая сущность национального вопроса? Классовая сущность национального вопроса в условиях современного советского развития состоит в установлении правильных взаимоотношений между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянством бывших угнетенных национальностей. Вопрос смычки здесь обсужден более чем достаточно, но при обсуждении вопроса смычки по докладу Каменева³, Калинина⁴, Сокольников⁵, Рыкова⁶, Троцкого имелось в виду, главным образом, отношение пролетариата русского к русскому крестьянству. Здесь, в национальной области, мы имеем более сложную механику. Здесь мы имеем дело с вопросом об установлении правильных взаимоотношений между пролетариатом бывшей державной нации, представляющим наиболее культурный слой пролетариата всей нашей федерации, и крестьянством, по преимуществу крестьянством ранее угнетенных национальностей. В этом — классовая сущность национального вопроса. Если пролетариату удастся установить с инонациональным крестьянством отношения, могущие подорвать все пережитки недоверия ко всему русскому, которое десятилетиями воспитывалось и внедрялось политикой царизма, если русскому пролетариату удастся, более того, добиться полного взаимного понимания и доверия, установить действительный союз не только между пролетариатом и русским крестьянством, но и между пролетариатом и крестьянством ранее угнетенных национальностей, то задача будет разрешена. Для этого необходимо, чтобы власть пролетариата была столь же родной для инонационального крестьянства, как и для русского. Для того, чтобы советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт нерусских национальностей. Только тогда и только постольку советская власть, до последнего времени являвшаяся властью русской, станет властью не только русской, но и междунациональной, родной для крестьян ранее угнетенных национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке.

В этом одна из основ национального вопроса вообще, в советской обстановке в особенности.

В чем состоит характерная черта разрешения национального вопроса в данный момент, в 1923 году? Какую форму вопросы, требующие

разрешения по национальной линии, приняли в 1923 году? Форму установления сотрудничества между народами нашей федерации по линии хозяйственной, по линии военной, по линии политической. Я имею в виду междунациональные отношения. Национальный вопрос, имеющий в своей основе задачи установления правильных отношений между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянством инациональным, в данный момент принимает особую форму установления сотрудничества и братского сожителства тех народов, которые раньше были разобщены и которые теперь объединяются в рамках единого государства.

Вот суть национального вопроса в той форме, которую он в 1923 году принял.

Конкретную форму этого государственного объединения представляет тот Союз Республик, о котором мы говорили еще в конце прошлого года на съезде Советов и который мы установили тогда.

Основа этого Союза — добровольность и правовое равенство членов Союза. Добровольность и равенство — потому, что исходным пунктом нашей национальной программы является пункт о праве наций на самостоятельное государственное существование, — то, что раньше называлось правом на самоопределение. Исходя из этого, мы должны определенно сказать, что никакой союз народов, никакое объединение народов в единое государство не может быть прочным, если оно не имеет в своей основе полной добровольности, если сами народы не хотят объединяться. Вторая основа — правовое равенство народов, входящих в состав Союза. И это понятно. Я не говорю о фактическом равенстве, об этом я в дальнейшем скажу, ибо установление фактического равенства между нациями, ушедшими вперед, и нациями отсталыми дело очень сложное, очень тяжелое, требующее ряда лет. Я говорю тут о равенстве правовом. Равенство тут выражается в том, что все республики, в данном случае четыре республики: Закавказье, Белоруссия, Украина и РСФСР, входящие в состав Союза, в одинаковой степени пользуются благами Союза и одновременно в одинаковой степени отказываются от некоторых своих прав независимости в пользу Союза. Если не будет наркоминдела у РСФСР, у Украины, у Белоруссии, у Закавказской республики, то ясно, что при упразднении этих наркоминделов и при создании общего наркоминдела в Союзе Республик произойдет некоторое ограничение той независимости, которая была у этих республик и которая ограничена равномерно для всех республик, входящих в Союз. Ясно, что если раньше у этих республик существовали свои внешторги, а теперь эти внешторги упраздняются как в РСФСР, так и в прочих республиках, для того,

чтобы создать общий внешторг при Союзе Республик, то и тут происходит некоторое ограничение независимости, которая имела раньше место в полном виде и которая теперь сократилась в пользу общего Союза, и т. д., и т. д. Некоторые задают чисто схоластический вопрос: а что же, после объединения остаются ли республики независимыми? Это — вопрос схоластический. Их независимость ограничивается, ибо всякое объединение есть некое ограничение ранее имевшихся прав у тех, которые объединились. Но основные элементы независимости остаются, безусловно, за каждой республикой, хотя бы потому, что каждая республика имеет право одностороннего выхода из состава Союза.

Итак, конкретная форма национального вопроса в нашей обстановке в данный момент свелась к вопросу об установлении сотрудничества народов: хозяйственного, внешнеполитического и военного. Мы должны объединить эти республики по этим линиям в единый союз, называемый СССР. К этому свелись конкретные формы национального вопроса в данный момент.

Но легко сказка сказывается, да не скоро дело делается. Дело в том, что в нашей обстановке мы имеем целый ряд факторов не только содействующих объединению народов в одно государство, но и тормозящих это объединение.

Содействующие факторы вам известны: прежде всего хозяйственное сближение народов, установленное еще до советской власти и закрепленное советской властью, некоторое разделение труда между народами, установленное до нас и закрепленное нами, советской властью, — оно является основным фактором, содействующим объединению республик в Союз. Вторым фактором, содействующим объединению, следует считать природу советской власти. Это понятно. Советская власть есть власть рабочих, диктатура пролетариата, которая по своей природе располагает к тому, чтобы трудящиеся элементы республик и народов, входящих в Союз, настраивались на дружественный лад друг к другу. Это понятно. И третий фактор, содействующий объединению, — это империалистическое окружение, составляющее среду, в условиях которой приходится действовать Союзу Республик.

Но есть и факторы, препятствующие этому объединению, тормозящие это объединение. Основная сила, тормозящая дело объединения республик в единый союз, — это та сила, которая нарастает у нас, как я уже говорил, в условиях нэпа: это великорусский шовинизм. Вовсе не случайность, товарищи, что сменовеховцы приобрели массу сторонников среди советских чиновников. Это вовсе не случайность.

Не случайность и то, что господа сменовеховцы похваливают коммунистов-большевиков, как бы говоря: вы о большевизме сколько угодно говорите, о ваших интернационалистских тенденциях сколько угодно болтайте, а мы-то внаем, что то, что не удалось устроить Деникину, вы это устройте, что идею великой России вы, большевики, восстановили или вы ее, во всяком случае, восстановите. Все это не случайность. Не случайность и то, что даже в некоторые наши партийные учреждения проникла эта идея. Я был свидетелем того, как на февральском пленуме, где впервые ставился вопрос о второй палате, в составе ЦК раздавались речи, не соответствующие коммунизму, — речи, не имеющие ничего общего с интернационализмом. Все это знамение времени, поветрие. Основная опасность, отсюда истекающая, состоит в том, что в связи с нэпом у нас растет не по дням, а по часам великодержавный шовинизм, старающийся стереть все нерусское, собрать все нити управления вокруг русского начала и придавить нерусское. Основная опасность состоит в том, что при такой политике мы рискуем потерять то доверие к русским пролетариям со стороны бывших угнетенных народов, которое приобрели они в Октябрьские дни, когда русские пролетарии скинули помещиков, русских капиталистов, когда они разбили национальный гнет внутри России, вывели войска из Персии, из Монголии, провозгласили независимость Финляндии, Армении и, вообще, поставили национальный вопрос на совершенно новые основы. То доверие, которое мы тогда приобрели, мы можем растерять до последних остатков, если мы все не вооружимся против этого нового, повторяю, великорусского шовинизма, который наступает и ползет, капля за каплей впитываясь в уши и в глаза, шаг за шагом разлагая наших работников. Вот эту опасность, товарищи, мы должны во что бы то ни стало свалить на обе лопатки. Иначе нам грозит перспектива потери доверия рабочих и крестьян ранее угнетенных народов, нам грозит перспектива разрыва связи между этими народами и русским пролетариатом, и этим самым нам грозит опасность допустить трещину в системе нашей диктатуры.

Не забывайте, товарищи, что если мы с развернутыми знаменами шли против Керенского и свалили Временное правительство, то, между прочим, потому, что там за спиной мы имели доверие тех угнетенных народов, которые ждали от русских пролетариев освобождения. Не забывайте о таких резервах, как угнетенные народы, которые молчат, но своим молчанием давят и решают многое. Часто это не чувствуется, но они, эти народы, живут, они есть, и о них нельзя забывать. Не забывайте, что если бы мы в тылу у Колчака, Деникина, Врангеля и Юденича не имели так называемых «инородцев», не имели

ранее угнетенных народов, которые подрывали тыл этих генералов своим молчаливым сочувствием русским пролетариям, — товарищи, это особый фактор в нашем развитии: молчаливое сочувствие, его никто не видит и не слышит, но оно решает все, — если бы не это сочувствие, мы бы не сковырнули ни одного из этих генералов. В то время, когда мы шли на них, в тылу у них начался развал. Почему? Потому, что эти генералы опирались на колонизаторский элемент из казаков, они рисовали перед угнетенными народами перспективу их дальнейшего угнетения, и угнетенные народы вынуждены были идти к нам в объятия, между тем как мы развертывали знамя освобождения этих угнетенных народов. Вот что решило судьбу этих генералов, вот сумма факторов, которые заслонены успехами наших войск, но которые в последнем счете решили все. Этого забывать нельзя. Вот почему мы обязаны круто повернуть в смысле борьбы с новыми шовинистическими настроениями и пригвоздить к позорному столбу тех чиновников наших учреждений и тех партийных товарищей, которые забывают о нашем завоевании в Октябре, именно о доверии ранее угнетенных народов, которым мы должны дорожить.

Нужно понять, что если такая сила, как великорусский шовинизм, расцветет пышным цветом и пойдет гулять, — никакого доверия со стороны угнетенных ранее народов не будет, никакого сотрудничества в едином союзе мы не построим и никакого Союза Республик у нас не будет.

Таков первый и самый опасный фактор, тормозящий дело объединения народов и республик в единый союз.

<...>

Политический отчет Центрального Комитета. 18 декабря 1925 г.

<Фрагменты>

<...> Сменовеховство, это — идеология новой буржуазии, растущей и мало-помалу смыкающейся с кулаком и со служилой интеллигенцией. Новая буржуазия выдвинула свою идеологию, сменовеховскую идеологию, состоящую в том, что, по ее мнению, коммунистическая партия должна переродиться, а новая буржуазия должна консолидироваться, причем незаметно для нас мы, большевики, оказывается,